

ловѣкъ все таки неотворачивается, а начинаеть еще зондировать рану, присматриваться, съ намѣреніемъ, къ ея зѣлющей глубинѣ, то вѣрно ужь не цѣли «эстетическихъ противопоставленій» его къ тому побуждаютъ.. .

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ любопытнымъ явленіемъ, до сихъ поръ еще, кажется, сопровождающимъ проповѣдническую дѣятельность гр. Толстого. Дѣло въ томъ, что прежними своими высоко-художественными произведеніями гр. Толстой до того приучилъ публику и критику къ исключительно *эстетическому* критерию, въ оцѣнкѣ своихъ печатныхъ произведеній, что даже послѣ уже, когда онъ давнымъ давно порвалъ со всѣмъ «эстетическимъ», въ пользу «этического», когда дѣятельность и писанія его приняли исключительно характеръ послѣдняго, т. е. *имѣ* стали освѣщаться, согласно еѣ красотѣ, направляться,—публика и печать, какъ бы не вѣря, не желая вѣрить нерелому, продолжала все еще примѣнять свою «эстетическую» мѣрку ко всему, что ни напишетъ ея любимецъ, отыскивая и восхищаясь только тѣми мѣстами его писаній, гдѣ нѣтъ-нѣтъ да проглянетъ знакъ-мая, прежняя «красота».. Собственно еще «Анна Каренина» уже требовала критерія этического, а не эстетического для своей оцѣнки, а между тѣмъ, до появленія труда Громеки, всѣ, начиная съ Тургенева, *) ограничивались лишь перечисленіемъ «истинно-великолѣпныхъ» страницъ, въ художественномъ отношеніи, просмотрѣвъ,—какъ доказаль лишь 10 лѣтъ спустя Громека, (авторъ этюда: «Послѣднія

*) Вотъ, что, напр., писалъ онъ въ 1875 году Полонскому по поводу «Анны Карениной»: «Новый романъ чѣтъ не нравится, хотя попадаются истинно-великолѣпныя страницы (перечисляются лучшія «эстетическія» мѣста), но все это кисло, пахнетъ Москвою, ладономъ, старой дѣвой, славянщиной, дворянщинъ и пр.» Неправда-ли, это можетъ говорить лишь эстетикъ *saug pur*, такъ сказать прямолинейный, не смущаемый никакими коллизіями?